

Э. КАРР

Ленинская теория государства

Представление о государстве как неизбежном зле, проистекающем от греховной природы человека, уходило корнями в традиции христианства. В средние века между властью церковной и политической наблюдалось равновесие; каждая в своей сфере главенствовала, но первую почитали больше. Лишь когда Реформация подчинила церковь государству и возникло современное государство, обязанность вести борьбу против политических злоупотреблений перешла к светской власти. Томас Мор в своей «Утопии»¹ выявил связь между институтом частной собственности и тем злом, которое причиняет правительство. Он предвосхитил ту характеристику государства, которая три столетия спустя широко распространилась:

«Итак, рассчитывая на снисхождение, я должен все же сказать одно: все остальные правительства, которые я вижу или знаю, — это заговор богатых. Притворяясь, что управляют народом, они лишь преследуют собственные цели всеми способами, с помощью всех возможных ухищрений. Они делают это прежде всего для того, чтобы можно было в безопасности сохранить все, что они так нечестно нажили, и затем, чтобы можно было заставить бедняков трудиться за самую низкую плату и угнетать их, как угодно».

Но это оставалось единичной вспышкой озарения, и только в XVIII веке начали формироваться современные социалистические взгляды на государство. В соответствии с христианским учением, государство было злом, но злом

неизбежным, поскольку природа человека была греховной. В соответствии с рациональной верой в природу, исповедуемой просветителями, государство было противоестественным и потому — злом. Заметно влияние этих взглядов, в частности, на Морелли и Руссо², но именно Уильям Годвин³ в своем «Рассуждении о политической справедливости» создал то, что с полным основанием считают библией анархизма. По мнению Годвина, собственность, брак и государство противоречат природе и разуму.

«Прежде всего, — пишет он, — мы не должны забывать, что правительство есть зло, узурпация права на личное мнение, на индивидуальное человеческое сознание и что, тем не менее, мы, по-видимому, должны признать его злом неизбежным в настоящее время. Нам, поборникам разума и человеческой природы, надлежит признавать его как можно меньше и внимательно следить, не пора ли вследствие постепенного просветления человеческого разума уменьшить и это небольшое»*.

Далее в той же работе он становится смелей и напрямик предлагает «упразднить шарлатанство правительства». С этого времени ведущие писатели, радикалы и социалисты — Сен-Симон, Роберт Оуэн, Фурье, Леру, Прудон⁴ — озабочены проблемой вытеснения государства и его превращения в общество производителей и потребителей. Моисею Гессу⁵, радикальному сподвижнику молодого Маркса, оставалось лишь снабдить эти идеи гегельянской терминологией, которую обычно употребляли молодые германские интеллектуалы 40-х годов XIX века. Он полагал, что, пока существует государство, какой бы ни была форма правления, всегда будут правители и рабы, и это противоречие сохранится, «пока государство, основа полярного противоречия, не исчезнет, согласно законам диалектики, и не уступит место социальному единообразию, которое явится основой общности»**.

Маркс быстро воспринял представление о государстве как орудии, с помощью которого правящий класс преследует

* *Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice*, 1793, p. 380.

** «*Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz*». Zurich, 1843, p. 88.

и отстаивает свои интересы. В одной из ранних работ, направленной против рейнских землевладельцев, он в гиперболическом стиле, присущем его раннему периоду, описывал, как «органы государства» становятся «ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегают»*. Современное государство «существует только ради частной собственности»; оно есть «не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»**.

Однако частная собственность на капиталистическом этапе порождает свою противоположность — лишенный собственности пролетариат, которому предстоит ее уничтожить. Как сказал Гесс, государство есть выражение этого противоречия, этого конфликта между классами. Когда это противоречие разрешится уничтожением частной собственности и победой пролетариата (который, достигнув победы, перестанет быть пролетариатом), общество больше не будет разделяться на классы и государство лишится *raison d'être*⁶. Таким образом, государство — это «суррогат коллективности»***. Первое краткое изложение взглядов Маркса содержалось в «Нищете философии», опубликованной в 1847 г.:

«Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества»****.

В первой работе, написанной Марксом в зрелые годы, — «Манифесте Коммунистической партии» — содержались те же выводы и предсказывалось наступление времени, ког-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 142.

** Там же, т. 3, с. 62–63.

*** Там же, с. 75.

**** Там же, т. 4, с. 184.

да различия между классами будут сметены и «публичная власть потеряет свой политический характер». Но в основном внимание в ней уделялось очередному практическому шагу, который состоял в том, что пролетариат «основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии» и произойдет отождествление государства с «пролетариатом, организованным как господствующий класс». Такова была идея, которую Маркс четыре года спустя выразил в знаменитом лозунге о «диктатуре пролетариата». Но одновременно он указывал, что эта диктатура — «лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»*.

Двадцать лет спустя, когда Маркс в знаменитой работе «Гражданская война во Франции» выявил в Парижской коммуне⁷ узнаваемый, хотя и несовершенный, прототип диктатуры пролетариата, он все еще характеризовал государство как «паразитический нарост» и писал об «уничтожении той государственной власти», которая «теперь делается излишней»**. А Энгельс позднее добавил еще более определенное замечание:

«...Победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсесть худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»***.

Маркс, таким образом, никогда не отказывался, или не мог отказаться, от мысли, что государственная власть есть проявление классового антагонизма — зла, которое исчезнет

* Там же, т. 28, с. 247. Эти слова встречаются в личном письме Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс не повторял их до тех пор, пока свыше 20 лет спустя он не написал в «Критике Готской программы» в 1875 г., что в период перехода от капитализма к коммунизму государство будет «ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (там же, т. 19, с. 27). «Критика Готской программы» была известна в партийных кругах, но при жизни Маркса не публиковалась.

** Там же, т. 17, с. 344.

*** Там же, т. 22, с. 201.

в будущем бесклассовом обществе. Однако описание этой конечной цели его лично интересовало меньше, чем анализ непосредственных мер, необходимых для установления диктатуры пролетариата. Наиболее законченное описание учения Маркса о государстве пришлось дать Энгельсу:

«...Когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*»*.

Именно Энгельс писал также несколько лет спустя:

«С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей,

* Там же, т. 20, с. 292. Различие между «управлением лицами» и «управлением вещами» давно было присуще социалистическому учению. Оно приобрело известность благодаря Сен-Симону, который писал, что человеческому обществу «суждено перейти от государственного или военного режима к *административному* или *промышленному* режиму, после того как оно достигнет достаточных успехов в позитивных науках и промышленности» («Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin», 1875, XXXVII, p. 87). В этих словах уже подразумевался анархизм. В другом месте Сен-Симон писал: «Человек может оказывать полезное воздействие только на вещи. Воздействие человека на человека всегда вредно для человеческого рода» (ibid., 1869, XX, p. 192).

отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»*.

Таким образом, учение о государстве, созданное в произведениях Маркса и Энгельса, имело две стороны. В конечном счете традиционное социалистическое представление о том, что государство само по себе есть зло, результат противоречия, орудие подавления, которому нет места при будущем коммунистическом строе, полностью сохранялось. Но утверждалось, что, разрушив революционными средствами буржуазную государственную машину, пролетариат будет вынужден создать на время свою собственную государственную машину — диктатуру пролетариата, — до тех пор пока не будут уничтожены остатки буржуазного общества и упрочен бесклассовый социалистический строй. Таким образом, было установлено практическое разграничение между конечным коммунистическим обществом, когда исчезнет всякое неравенство между людьми и не будет государства, и тем, что приобрело известность под названием «социализм», или «первая стадия коммунизма», когда еще не уничтожены остатки буржуазного строя и государство принимает форму диктатуры пролетариата. Этому разграничению предстояло приобрести главное значение в партийной доктрине.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 173. Один современный автор сравнивает мнение Маркса о государстве с мнением св. Августина: «Государство становится выражением безнравственного принципа, эгоистических классовых интересов... Государство — это *civitas diaboli* [дьявольское государство (лат.)]. — *Ред.*] — поэтому следует побороть, оно должно «отмереть» и уступить место «обществу» без классов и без государства — *civitas dei* [божье государство (лат.)]. — *Ред.*». Между взглядами Св. Августина и взглядами Маркса действительно разница лишь в том, что первый осторожно отодвигает свой идеал в мир иной, а второй сталкивает его в этот мир в соответствии с законом развития, выражающим причинную обусловленность (*Kelsen H. Sozialismus und Staat*, 2nded., 1923, S. 32–33). В этой «разнице» — суть марксистской философии, то есть создание идеала из реальности, *sollen* из *sein* [того, что должно быть, из того, что существует. — *Ред.*], с помощью причинных связей.

На Ленина оказало особое влияние одно дальнейшее усовершенствование марксистской теории государства. Сущность государства заключалась в разделении общества на два противоборствующих класса — управляющих и управляемых. Энгельс, осуждая тайный революционный «Альянс» Бакунина⁹, упрекал его в том, что он создает пропасть между теми, кто руководит, и теми, кем руководят, и восстанавливает «авторитарное государство»*, и в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» государство характеризуется как «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него»**. Отсюда возникала знакомая проблема бюрократии. По мнению Энгельса, Парижская Коммуна сумела ее решить:

«Во-первых, она назначила на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие».

Эти меры Энгельс характеризовал как «взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической»***. Отсюда излюбленное ленинское положение о необходимости заменить бюрократию как типичное орудие государства рабочим самоуправлением.

В течение 30 лет после смерти Маркса теория государства была пробным камнем, разделившим европейское рабочее движение на две коренным образом противоборствующие друг с другом группы — анархистов и признающих необходимость государства социалистов.

Анархисты начали с традиционного социалистического отрицания государства. Они отвергали его на том же самом

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 341.

** Там же, т. 21, с. 170.

*** Там же, т. 22, с. 200.

основании, что и Маркс, а именно потому, что государство — это орудие в руках правящего и угнетающего класса. Они также рассчитывали на то же самое окончательное решение проблемы — замену государства «организацией производительных сил и экономических служб»*. Но свое отрицание государства они распространили на любую предварительную или временную форму государства. По этому поводу Ленин приводил слова Энгельса:

«...Антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна»**.

Упорно отвергая власть, анархисты стали непримиримы-ми противниками диктатуры пролетариата — с этим был связан спор между Марксом и Бакуниным. Синдикалисты⁹, усовершенствовав грубый догматизм анархистов, полагали, что будущая организация общества будет основываться не на какой-либо системе территориальных государств, а на связи профсоюзов и производственных ассоциаций. Цель синдикализма, по определению его видного философа, состояла в том, чтобы «вырвать у государства и общины один за другим все их атрибуты власти в целях обогащения пролетарских организаций по мере их создания, особенно синдикатов»***, или, короче, — «подавить государство»****. Что касалось непосредственной тактики, то синдикалистское движение отвергало все формы политической борьбы. Государство рухнет в результате революционной экономи-

* *Bakunin. Oeuvres*, 1907, v. 2, p. 39.

** *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 18, с. 305; *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 33, с. 62.

*** *Sorel G. Matériaux d'une Théorie du Proletariat*, 1919, p. 132.

**** *Sorel G. Reflections on Violence*, Engl, transl., 1916, p. 190.

ческой борьбы рабочих, которая примет форму всеобщей стачки; любая конструктивная программа в отношении государства противоречила природе и принципам синдикализма. Эти тенденции преобладали во Франции и других романских странах, где марксизм никогда не имел глубоких корней.

С другой стороны, германские социал-демократы не менее решительно продвигались к объяснению марксизма, которое было диаметрально противоположно взглядам анархистов и синдикалистов. Исповедуя прусско-гегельянское уважение к власти государства и марксистское неуважение к последователям Бакунина, они, под влиянием хитроумной политики Бисмарка¹⁰ и пламенного красноречия Лассаля, согласились поверить, что государство можно заставить служить интересам рабочих. Они вскоре отошли от строгой марксистской позиции в двух важных вопросах. Они объявили утопией и сдали в архив «мысль» об «отмирании» государства, отказавшись, таким образом, от главной социалистической традиции в отношении к государству. Вместо того чтобы, подобно Марксу, настаивать на том, что пролетариат должен сломать революционными средствами буржуазную государственную машину и установить собственное государственное оружие — диктатуру пролетариата, они поверили в возможность захвата существующей государственной машины, преобразования ее и использования в пролетарских целях. В 90-е годы XIX века Эдуард Бернштейн¹¹ стал лидером ревизионистской группы в Социал-демократической партии Германии, открыто выступавшей за достижение социализма через реформы в сотрудничестве с буржуазным государством. Силу этого движения показывает тот факт, что Каутский и его последователи, первоначально боровшиеся против него от имени ортодоксального марксизма, в конце концов пришли к взглядам, которые не отличались от ревизионизма. Марксистское отрицание государства было отброшено, о нем отзывались, по словам Ленина, «точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным

духом»*. И так, германские социал-демократы скорее приблизились к позиции английских радикалов, тред-юнионистов и фабианцев, которые никогда не были марксистами и никогда не поддерживали искренне антигосударственной традиции, европейского социализма. Соединенное влияние германской и английской групп во Втором Интернационале¹² расчистило путь для такого союза между социализмом и национализмом, который расколол Интернационал на части, когда в 1914 г. вспыхнула война.

Ленин оставался, по крайней мере вплоть до Октябрьской революции, последовательным марксистом в своем отношении к государству, точно прокладывая курс между Сциллой анархизма и Харибдой преклонения перед государством. Он предельно ясно объяснил свою позицию в одном из «Писем из далека», которые написал из Швейцарии в период между Февральской революцией и возвращением в Россию:

«Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве состоит в том, что мы *за* революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты — *против*.

Нам нужно государство. Но нам нужно не *такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загнивать, социалистических партий, искаживших или забывших уроки Парижской Коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом»**.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 43. Русские коммунисты более позднего времени не вполне обладали иммунитетом против соблазна, которому поддались христиане и германские социал-демократы.

** Там же, т. 31, с. 39.

В момент возвращения в Россию в начале апреля 1917 г. он заявил еще более решительно:

«Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г. Плеханова, Каутского и К° тем, что признает необходимость для указанных периодов не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна»*.

Однако когда в конце лета 1917 г. Ленин, все еще скрываясь в Финляндии, сел писать свою главную работу о марксистской теории государства, вторая из этих ересей его больше заботила, чем первая. Анархистские и синдикалистские возражения против политической борьбы или возможной диктатуры пролетариата большой роли не играли**. Но именно верность так называемых социал-демократов своему национальному государству, их отказ от основного социалистического принципа враждебного отношения к государству сломали международную солидарность рабочих Европы и заставили их участвовать в братоубийственной борьбе по приказу правящих классов своих стран. Отсюда некоторое усиление одной стороны проблемы в работе «Государство и революция», написанной Лениным в августе-сентябре 1917 г., но не публиковавшейся до следующего года. Довод, направленный против анархистов в защиту диктатуры пролетариата, занял всего несколько торопливых абзацев. Основная же часть работы посвящена атаке на тех псевдомарксистов, которые не же-

* Там же, с. 163.

** Ленин объяснял то, что анархизм пользовался «ничтожным влиянием» в тогдашней России, отчасти борьбой большевиков против него, а отчасти тем, что анархизм в России имел достаточную возможность в 70-е годы XIX века продемонстрировать свою неверность и непригодность (там же, т. 41, с. 15).

ляли признать, во-первых, что государство есть продукт классовых антагонизмов и орудие классового угнетения, обреченное на исчезновение вместе с исчезновением самих классов, и, во-вторых, что ближайшая цель состоит не в том, чтобы завладеть буржуазной государственной машиной, а в том, чтобы ее сломать и заменить промежуточной формой — диктатурой пролетариата, которая проложит путь к окончательному исчезновению классов и государства. Диктатура пролетариата была переходом от революционного свержения буржуазного государства к окончательному установлению общества без классов, без государства — «от государства к негосударству»*. К демократии это относилось не в меньшей мере, чем к любой другой форме государства. Напротив, «всякое государство несвободно и ненародно», и, чем «полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной»**.

Все это шло непосредственно от Маркса и Энгельса, и самыми интересными являются те мысли в «Государстве и революции», которые несколько проливают свет на то, как Ленин представлял себе переход. Словами, взятыми у Энгельса, он клеймил анархистов, которые воображали, что государство можно отменить «с сегодня на завтра»***; переход потребует «целого исторического периода»****. И все же представлялось, что каждый такой период будет ограничен определенными сроками: в 1918 г. Ленин утверждал, что он будет охватывать «лет по 10, а то и больше», а в речи на Красной площади 1 мая 1919 г. предсказывал: «Большинство присутствующих, не переступивших 30–35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма, от которого пока мы еще далеки»*****. Позже он писал: «На 10–20 лет раньше или позже, это с точки зрения все-

* Там же, т. 33, с. 56.

** Там же, с. 20, 102.

*** Там же, с. 59.

**** Там же, с. 35.

***** Там же, т. 36, с. 205; т. 38, с. 325.

мирно-исторического масштаба безразлично»*. Но более значительным, чем любой вопрос о сроках, было настойчивое утверждение Ленина в «Государстве и революции» о том, что «отмирание» государства начнется немедленно:

«...По Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. ...Пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно»**.

Какой бы ни была длительность этого процесса, Ленин в то время определенно полагал, что он будет прогрессивным и непрерывным.

Эти теоретические взгляды повлияли на отношение Ленина после революции к вопросу о конституционной структуре переходного периода диктатуры пролетариата. Государственное устройство, созданное победоносной революцией, должно было отвечать разным, взаимно несовместимым с самого начала целям. Оно должно было быть сильным, безжалостным, чтобы сломать последнее сопротивление буржуазии, чтобы завершить подавление меньшинства в интересах большинства, и в то же время оно должно было готовиться к собственному отмиранию и даже начать этот процесс немедленно.

«В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии). ...Диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма»***.

* Там же, т. 41, с. 40.

** Там же, т. 33, с. 24, 29.

*** Там же, с. 35.

Ленин никогда не признавал, что в принципе трудно примирить псевдодобровольную ассоциацию рабочих, которую подразумевает отмирание государства, и концентрацию власти, необходимую для осуществления беспощадной диктатуры над буржуазией. О беспощадности диктатуры он говорил непреклонно. Он признавал, что одной из причин поражения Коммуны явилось то, что она ломала сопротивление буржуазии «недостаточно решительно»*. Диктатура пролетариата, как любое другое государство, была бы орудием не свободы, а подавления — подавления не большинства, как другие государства, но непримиримого меньшинства. В своем произведении Ленин дважды цитировал острое высказывание Энгельса:

«...Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»**.

И сам Ленин добавил в виде афоризма:

«Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства»***.

Но как ни репрессивна была диктатура пролетариата, она была уникальной диктатурой, будучи диктатурой большинства над меньшинством, и это не только придавало ей демократический характер****, но также исключительно упрощало ее деятельность:

* Там же, с. 42–43.

** Там же, с. 65, 89.

*** Там же, с. 95. В знаменитой фразе, которую Ленин повторял не раз, государство названо «машиной или дубиной», «особой *дубинкой*, rien de plus», которую правящий класс использует для подавления других классов (там же, т. 39, с. 84, 262).

**** Там таким образом, диктатура пролетариата отличалась от всех форм диктатуры, основанных на идее высшей и привилегированной элиты; даже «диктатура партии» — хотя это словосочетание и было однажды употреблено Лениным — впоследствии осуждалась как еретическая (см. главу 9).

«...Подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчераших* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов...)»*.

Эта точка зрения определила подход Ленина к старой проблеме бюрократии. Зло государства, которое, по словам Энгельса, есть сила, «происшедшая из общества, но ставящая себя над ним»** , Ленин кратко охарактеризовал, сказав «о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти»***. По-видимому, он считал бюрократию специфически буржуазной. «Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, — писал он в одной из ранних работ, — мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества»****. В работе «Государство и революция» говорилось, что для буржуазного периода «централизованной государственной власти» «два учреждения наиболее характерны» — бюрократия и постоянная армия*****. В условиях капитализма даже партийные и профсоюзные должностные лица «проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторван-

* Там же, т. 33, с. 90–91.

** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 170.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 12.

**** Там же, т. 2, с. 455.

***** Там же, т. 33, с. 29.

ных от масс, в стоящих над массами, привилегированных лиц»*. В Апрельских тезисах, опубликованных сразу после возвращения в Петроград, Ленин требовал «устранения полиции, армии, чиновничества»**. В работе «Государство и революция» он приводит в пример древнюю демократию, где управляли сами граждане.

«При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, но и в *повседневном управлении*. При социализме *все* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»***.

Исходя именно из таких взглядов, Ленин в сентябре 1917 г. одобрял Советы как воплощение новой государственной формы, в которой могла осуществляться «непосредственная и прямая демократия» рабочих:

«Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.е. истинно демократическим аппаратом Советов, т.е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов,

* Там же, с. 115.

** Там же, т. 31, с. 115.

*** Там же, т. 33, с. 116. Едва ли нужно напоминать, что Руссо в «Общественном договоре» рассматривал прямую демократию как единственно подлинную демократию («В тот момент, когда народ отдает себя в руки своих представителей, он перестает быть свободным»). Эта мысль была знакома многим социалистам XIX века, например Виктору Консидерану: «Если народ передает свою верховную власть своим уполномоченным, то он ее лишается. Сам народ больше собой не управляет — им управляют» (*Considerant V. La Solution, ou le Gouvernement Direct du People*, p. 13). Принцип отзыва депутатов избирателями в любой момент как способ смягчения зла от представительного правительства восходит по крайней мере к Бабёфу и нашел отражение в Статье 78 Конституции РСФСР.

но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований»*.

В таком именно духе он составил свое обращение «К населению» через несколько дней после Октябрьской революции:

«Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в свои руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы»**.

Если бюрократия была специфическим продуктом буржуазного общества, то не было ничего странного в предположении, что она исчезнет, когда будет свергнуто это общество.

На тех же принципах строилось управление экономикой, производством и распределением. Ленин впервые изложил свои взгляды по этому вопросу в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре 1917 г. Помимо репрессивного государственного аппарата, «есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной». Он относится к области «управления вещами», и его невозможно и не следует уничтожать, поскольку это значительная часть жизненно необходимого аппарата социалистического строя. «Без *крупных банков социализм был бы неосуществим*». Никакие трудности не должны возникнуть в связи с тем, что придется либо принять служащих, сейчас занимающихся этой работой, либо привлечь гораздо большее количество, которое понадобится в условиях пролетарского государства, «ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*»***. В «Государстве и революции» Ленин снова настойчиво повторял эти мысли и в связи с ними убедительно показал, как мог бы в будущем произойти процесс отмирания государственного аппарата:

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 202.

** Там же, т. 35, с. 66.

*** Там же, т. 34, с. 307–308.

«Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*»*.

В какой мере идеи, высказанные Лениным накануне революции, претерпели изменение под влиянием опыта самой революции? Непосредственным результатом было то, что революция укрепила уверенность в возможности немедленного перехода к социализму. С высоты 1921 г. стало виднее, и, оглядываясь назад, Ленин признал, что зимой 1917/18 г. большевистские руководители, все без исключения, исходили из «предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, — из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству»**.

Однако вскоре картина коренным образом изменилась. В течение зимы в устрашающем темпе происходило раз-

* Там же, т. 33, с. 102. Представление о простоте управления экономикой имеет долгую историю, восходя к натурализму XVIII столетия. Морелли (Morelly. La Code de la Nature. Ed. E. Dolleans, 1910, p. 39) говорит о ней как о «простой операции подсчета и сочетания и, следовательно, прекрасно подчиняющейся порядку»; Буонаротти (Buonarotti. Conspiration pour l'Egalité, dite de Babeuf. 1828, I, p. 214) — как о «деле подсчета, подчиняющемся самому точному порядку и самому закономерному развитию». Значение роли банков было излюбленной идеей Сен-Симона. Вопрос о влиянии экономики на советскую политику будет рассматриваться в части IV.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 197.

рушение административной и экономической системы. Революции угрожало не организованное сопротивление, а крушение всей власти. Призыв «разбить буржуазную государственную машину», который прозвучал в «Государстве и революции», теперь казался особенно несвоевременным; эта часть революционной программы реализовалась сверх всяких ожиданий. Вопрос заключался в том, чем заменить разрушенный механизм. «...Разбить старое государство», объяснял Ленин Бухарину в апреле 1918 г., «это — задача вчерашнего дня»; теперь требуется «создавать государство коммуны»*.

Ленин давно определил два условия перехода к социализму — поддержка со стороны крестьянства и поддержка со стороны европейской революции. Надежда на осуществление этих условий давала основание для оптимизма. Надежда не сбылась. Внутри страны крестьяне сначала поддерживали революцию — ту силу, которая дала им землю. Но когда она совершилась и когда революционная власть выдвинула как главное требование к крестьянам обеспечение городов продовольствием без очевидных перспектив на равноценную оплату, крестьянство угрюмо противодействовало этому, и вслед за ними к пассивному сопротивлению перешла даже часть городских рабочих. За рубежом европейский пролетариат все еще позволял империалистическим правительствам вести себя на междоусобную бойню, и первые слабые проблески революции совсем заглохли. Новый строй, таким образом, оказался изолированным внутри страны, среди по преимуществу равнодушного, а подчас и недружественного сельского населения — диктатура не «огромного большинства», а ограниченного меньшинства — и к тому же в окружении капиталистического мира, который, хотя он и был временно разъединен, объединяла ненависть к большевизму.

Ленин никогда открыто не говорил о разочарованиях; может быть, думал о них про себя. Но в них лежит причина явного противоречия между теорией, изложенной в работе

* Там же, т. 36, с. 264.

«Государство и революция», и практикой первого года нового строя. Ленин столкнулся с ситуацией, когда старая государственная машина была сломлена, а условия для построения социалистического порядка не созрели.

Именно в этих обстоятельствах прозвучало первое предупреждение, сделанное Лениным на VII съезде партии¹³ в марте 1918 г. Он нашел преждевременным предложение Бухарина о включении в переработанную Программу партии некоего описания «социализма в развернутом виде, где не будет государства»:

«Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко... К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму».

И далее:

«Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два съезда собрать, чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано. Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы»*.

Немного позднее Ленин снова подчеркивал, что «между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период», что «сразу уничтожить классы нельзя» и что «классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата**». Ленин времен «Государства и революции» стремился способствовать будущему отмиранию государства.

В январе 1919 г. он полагал, что даже тогда организация Советской власти ясно показывала переход к полному упразднению любой власти, любого государства***. Но Ленин периода 1922 гг. больше занят был вопросом о необходимости

* Там же, с. 65–66.

** Там же, т. 39, с. 271, 279.

*** Ленин В. И. Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 507, 513.

укрепления государства в переходный период диктатуры пролетариата.

Самым поразительным примером смены акцентов была эволюция его отношения к бюрократии. Отрывок из «Государства и революции» показывает, что Ленин уже сознавал свою ответственность за высказанные им оптимистические надежды:

«Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это не утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата»*.

Даже перед Октябрьской революцией он писал, что нужно будет взять «капиталистов» и «заставить *работать* в новых организационно-государственных рамках... поставить их на новую государственную службу»**. В следующие три года — период гражданской войны — шла борьба за эффективность в управлении, обнаружилась неудача с рабочим контролем в промышленности, а также то, что в любой области, начиная от ведения войны и кончая экономической организацией, профессиональная квалификация буржуазных специалистов необходима для того, чтобы действовала система управления. Все это заставило Ленина отказаться от мысли о том, чтобы рабочие в свободное время управляли общественными делами. В начале 1921 г., накануне введения НЭПа, он сделал заявление, показывавшее, что он искренне отрекается от своей прежней позиции.

«Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки. ...Профессиональные союзы есть школа коммунизма и управления. Когда они [т.е. рабочие] пробудут в школе эти годы, они научатся, но это идет медленно... Кто управляет из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только»***.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 48–49.

** Там же, т. 34, с. 11.

*** Там же, т. 42, с. 253.

Именно эта дилемма, как признавался Ленин, вынудила большевиков, вместо того чтобы сломать до основания старую государственную машину, привлечь «сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас»*.

Перед лицом этих трудностей Ленин обратился более настойчиво к первоначальному противоядию — активному участию рядовых людей в управлении как единственному способу осуществления демократии и борьбы с бюрократизмом. Процесс шел медленней, чем он надеялся, но был тем более необходим. В апреле 1918 г. Ленин писал:

«Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать... привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении». «Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся... чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять»**.

В последние два или три года жизни Ленина борьба с бюрократизмом приобрела огромное значение не только для Ленина-руководителя, но и для Ленина — политика и мыслителя. Она стала практическим выражением теории борьбы против государственной власти, изложенной в «Государстве и революции». Она дала практический ответ на вопрос, как может фактически отмереть государство. Это могло произойти лишь тогда, когда каждый гражданин пожелает и сможет внести свою долю участия в работу по управлению, а сама эта работа упростится, поскольку «управление лицами» превратится в «управление вещами». Как было сказано в Программе партии 1919 г.:

«Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, РКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

* Там же, т. 45, с. 290.

** Там же, т. 36, с. 203–204.

2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти»*.

Было бы поэтому существенной ошибкой считать, что опыт власти послужил причиной каких-либо радикальных перемен в ленинской философии государства. Согласно теории марксизма, отмирание государства зависело от исчезновения классов и установления социалистического строя с экономическим планированием и экономическим изобилием. А это в свою очередь зависело от выполнения условий, которые следовало определять эмпирически в любой данный момент в любом данном месте. Теория сама по себе не давала оснований для уверенности в правильности образа действий или ближайших перспектив. Ленин вполне мог признать, не дискредитируя этим ни себя, ни теорию, что ошибся в оценке скорости процесса преобразования.

Тем не менее ленинская теория государства действительно отражала дихотомию марксистского учения, в котором сочетались в высшей степени реалистический сравнительный анализ исторического процесса и бескомпромиссно абсолютное видение конечной цели. Ленин стремился установить связь между обеими сторонами, разрабатывая последовательность причин и следствий. Это преобразование реальности в утопию, сравнительного в абсолютное, непрерывной классовой борьбы в бесклассовое общество и беспощадного применения государственной власти в общество без государства было сутью того, во что верили Маркс и Ленин. Та непоследовательность, которая здесь присутствовала, отражала коренное противоречие. И нет смысла упрекать Ленина, как это часто

* «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 79.

делается, за отдельные противоречивые частности в его отношении к государству.

В его теории нет, по-видимому, и упования на коренное изменение человеческой природы, которое иногда предполагается. Либеральное учение о гармонии человеческих интересов рассчитывало не на изменение природы людей, а на то, что их природный эгоизм в определенных условиях будет служить общественным интересам. Эта политическая доктрина теснейшим образом связана с теорией отмирания государства, и Адам Смит¹⁴ не избежал в последние годы обвинений в утопизме, который обычно приписывают Марксу, Энгельсу и Ленину. Обе доктрины предполагают, что государство станет ненужным, когда, при соответствующей экономической организации общества, человеческие индивидуумы обнаружат, что для них легче действовать совместно для общего блага. В такой обстановке прирожденная человеческая сущность лучше себя проявит, чем прирожденная сущность, которую еще предстоит изменить. В этом смысле обе доктрины соответствуют убеждению, что от экономического устройства зависят элементы надстройки — политическая идеология и поведение.

